

Живое Авторское Слово

СЕЗОН СБОРА
КАМНЕЙ

Альманах

Татьяна Помысова

Сезон сбора камней. Альманах

«Издательские решения»

Помысова Т. Е.

Сезон сбора камней. Альманах / Т. Е. Помысова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-4493-0368-4

Авторы альманаха пишут о смысле жизни, о своих чувствах и испытаниях, делятся жизненным опытом и своими наблюдениями за себе подобными. Философствуют и верят... Они делают это так заразительно, что невозможно оторваться от сборника, не прочитав его от корки до корки. Составитель сборника — Татьяна Помысова e-mail: tanya@pomysova.ru

ISBN 978-5-4493-0368-4

© Помысова Т. Е.
© Издательские решения

Содержание

От составителя альманаха	7
Нина Майорова	8
Размышления по поводу	8
Наследство	10
В знак благодарности персоналу пензенского санатория «Серебряный бор»	12
Михаил Просперо	13
Трипитака каменного сада	13
Переполнение пустотой – без тебя	15
Эмиль Куман	16
«Текла речка Чулым, стоял волшебный лес...»	17
«Липы опять цветут...»	18
Так, что я хочу построить город	19
«Очень много песен сочинили...»	20
«Всё бегу от тебя, всё бегу...»	21
«Когда идёшь ты правильной дорогой...»	22
«Я захлёбываюсь от Межелайтиса...»	23
«Я люблю всех беременных женщин...»	24
«Хочешь дать мне счастье, маленькое счастье...»	25
«Сколько раз мы ходили, дорогие девчата...»	26
Донорская	27
«Южных краёв не надо ...»	28
Агитбригада	29
«На колени выгнулась берёзка...»	30
«Вижу тебя я белою, что же с тобой поделаю...»	31
«А город был Ленинград и двадцать было тебе...»	32
«Живём мы папаша, в атомный век...»	33
«Я хочу побыть немножечко один ...»	34
«Моей девчонке, ещё неловкой...»	35
«Я ведь не был дома лишь неделю...»	36
«До чего прекрасен мир, до чего прекрасны люди...»	37
«Как хорошо, что есть на свете такое пятилетье...»	38
Марина Сорокина	39
Куда плывут облака	39
Мадонна в гроте	45
Дмитрий Степанович	47
Тетраптих случайных совпадений	47
Сонет-заговор	50
Письмо с волжских степей	51
«Система «РОЗА» – в зените творенья...»	52
«Тишина от столетнего пира...»	53
«День спонтанный, день льда...»	54
Габдулла Тукай.	56
Сон Земли. Жир йокысы	57
Птицам. Кошларга	58
Праздник теперь. Бэйрэм буген	59

Монсиньёр делля Кафа. Против ревности. <i>Contro la gelosía</i>	60
Джазовому Гитаристу	61
Татьяна Помысова	62
Два Ангела	62
Осыпаются чувства, как листья	63
Одновариантность любви	64
А он придёт	65
Стихия	66
Не отнимай	67
Дополнение	68
Твой сон хранить	69
За ним иду	70
Не всё	71
С тобой прощаться я не научилась	72
Разговор	73
Мы сотканы из мира	74
Закончился Рай	75
«Человеческая глина – плотным шариком в ладонь...»	76
Маме на семидесятисемилетие	77
Андрею Миленину	78
Кому нужны стихи	79
Хорошо быть поэтессой	80
Татьянин День	81
Ко дню Поэзии	82
Сонные горы	83
Гимн конкурса «Ради Жизни на Земле»	84
Самоконтроль	85
Кто тут недообниматые?	86
Владимир Волков	87
О «точке невозврата» и не только...	87
Тоска	88
Небыль	89
Русская рулетка	90
«Этот злобный зверёк реинвест...»	91
Елена Ковалёва	92
Небылицы про Петю Иванова	92
Лишняя	94
Не пожелай	95
Где цель	96
Я говорю с тобою	97
Кирилл Рожков	98
Мой первый котёнок	98
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Сезон сбора камней

Альманах

Редактор Татьяна Евгеньевна Помысова

Иллюстратор Марина Фёдоровна Сорокина

© Марина Фёдоровна Сорокина, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-0368-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От составителя альманаха

Когда я задумалась о теме нового альманаха, мне пришла в голову библейская фраза «Время разбрасывать камни и время собирать камни...» Сезон – состояние периодическое. Фраза «Время собирать камни» – звучит несколько обречённо, не оставляет надежды на позитивное будущее. Мы, люди, склонны ошибаться и огребать за это по полной программе. В этом есть дыхание жизни. Вверх – вниз, прилив – отлив, мужчина – женщина. Некое равновесие, надежда...

Авторы альманаха «Сезон сбора камней» раскрыли тему каждый по своему. Они пишут о смысле жизни, о своих чувствах и испытаниях, делятся жизненным опытом и своими наблюдениями над себе подобными. Философствуют и верят... Они делают это так заразительно, что невозможно оторваться от сборника, не прочитав его от корки до корки.

Составитель и редактор сборников серии
«Живое авторское слово» – Татьяна Помысова

e-mail: tanya@pomysova.ru

Нина Майорова

Размышления по поводу

Библия – книга мудростей. Через нее человек познает самого себя. Как много в ней высказываний ставших пословицами и поговорками.

Попытаемся разобраться в некоторых из них. Например, что означает выражение: «Время собирать камни и время разбрасывать камни»? Общеизвестно, что оно означает, что всему свое время и место. Также известно, что Израиль – земля обетованная, но сама земля была очень трудна для земледелия. Прежде, чем возделать её, надо было собрать с полей камни. Их складывали по границам полей в виде изгородей.

Была и другая причина для сбора камней. Камни обычно собирали для наказания преступника, которого забивали камнями. Зверское наказание, хотя возможно он и заслуживал смерти. Ведь не зря Христос как-то воскликнул: «Кто не грешен, пусть первым бросит в меня камень».

Что касается сельскохозяйственного труда, то каждый знает, что весной наступает время разбрасывать зерно в землю, а осенью собирать урожай. А также, что, если зерно попадёт на неблагоприятную почву, то оно, если и взойдёт, то вскоре росток засохнет и не даст урожая, а то и просто его склюют птицы. Перенесёмся в наше время. Взять хотя бы реформу здравоохранения. Сократили обслуживающий персонал в поликлиниках и больницах. Перешли на автоматизированную запись к врачам. Перенесли приём к отдельным специалистам и физиотерапию в филиалы, а в результате пациентам приходится раскатывать по городу. Это значит, что магазины в шаговой доступности, а поликлиники нет. А эти двенадцать минут на пациента: не успеешь задать вопрос врачу и получить ответ, как лечиться. Да и к хорошим специалистам записаться трудно.

Одним словом: поразбрасывали камни, а собирать некому... Так и в других пореформенных отраслях, включая образование. Постарайтесь разобраться, что плохого и что хорошего от этих реформ. Недавно прошла передача по телевизору о маршале Коневе.

Ужасно, что освободителей многих европейских государств от фашизма обвиняют в оккупации этих земель и сбрасывают с постаментов памятники освободителям, как и в некоторых наших бывших союзных республиках. Воистину не ведают, что творят. А следом идёт национализм и возрождается фашизм, как на Украине.

Неужели зёрна добра, брошенные в землю, не взошли? Да, всему своё время: время разбрасывать и время собирать камни. Но всё-таки «не ищите соринку в чужом глазу, когда у вас в глазу целое бревно». Сколько же умных пословиц и поговорок у всех народов мира. Многие из них позабыты или не понятны молодому поколению. Например, такие, как: «Не плюй в колодец – пригодится напиться», или «Ласковый телёнок двух маток сосёт». А жаль...

А может быть эта притча из Библии означает и то, что каждый должен обратить внимание на самого себя: сколько же в нас плохого, от чего надо избавиться, и как трудно это сделать...

Неужели на зло надо отвечать добром, «подставляя вторую щёку»?

Доигрались мы со всеми этими «странами социализма». Уж кому как не Болгарии помнить об освобождении её не единожды от оккупации и вымирания «братушками-ребятушками» – русскими солдатами.

Однако и они, как и другие бывшие соцстраны, оскверняют добрую память и сносят памятники освободителям, в том числе была попытка сноса знаменитого памятника Алёше, который не дал снести простой народ.

Доколе же это будет продолжаться, когда на добро отвечают злом, бросая в нас камни ненависти?

Не пора ли собрать эти камни и бросить в их огород? Авось, опомнятся.

Послесловие

Я приобрела Библию в более чем зрелые годы. Но так и не осилила её до конца. Да, должно быть это стыдно, ведь все классические сюжеты знаменитых картин прошлых веков основаны на библейских сюжетах.

Однако, я думаю, важно жить по совести и по законам Божьим, ведь все десять заповедей, как и десять моральных принципов строителей коммунизма, отвечают на извечный вопрос: «Что такое хорошо и что такое плохо», как у В.В.Маяковского в детской книжке. Хотя многие, изучившие Библию досконально и цитирующие её наизусть, не следуют её заповедям, «сея ветер и пожиная бурю». – Это вся наша история XX-го и XXI-го веков. Сплошные войны, агрессия и лживость правителей...

Наследство

Как быстро бежит время. Ещё недавно говорили: «Это было в далёкие царские времена». Да, мои бабушка и дедушка прожили примерно половину жизни в те времена и родители родились при царе.

А теперь порой слышишь: «Это было давно – ещё в советское время». Да, времена не выбирают... Царские времена, царские времена... В моей детской головке благодаря красочным иллюстрациям к сказкам и картинам известных художников сложилось представление, что цари и царицы носят одежды, богато украшенные драгоценными камнями и расшитые золотом.

Позже я увидела царей и цариц в исторических фильмах и на портретах в мундирах и платьях соответствующих эпох. А в настоящее время можно увидеть английскую королеву по телевизору. Это просто элегантно одетая женщина из высшего общества. А как прекрасна и элегантна была принцесса Диана...

Теперь о наследстве. Каждая страна передает в наследство потомкам свою историю. История нашей страны была героической, поэтому мы гордимся и страной и её историей. Каждому народу в наследство достаются материальные, культурные и духовные ценности, в частности родной язык, на котором мы общаемся.

Язык со временем меняется, появляются новые слова и слова, заимствованные из других языков. По наследству передавались, а порой передаются и сейчас, профессии, например, ремесленников, кузнецов, поваров, врачей, актёров, дрессировщиков и так далее. Кроме того родители всегда старались оставить детям в наследство какие-либо материальные ценности: дом, ювелирные изделия, книги и прочее. А что происходит в настоящее время?

После смерти бабушки и дедушки моим родителям в наследство досталась изба в подмосковной деревне, которой в прошлом году исполнилось сто лет. Когда не стало папы, я оформила этот дом на себя.

Родня мне советовала продать этот дом: «Зачем он тебе нужен»? Откуда ни возьмись, объявились и покупатели, говоря, что мне с мамой не справиться с уходом за этим домом. Я же отвечала, что буду приезжать и на развалины родного дома, лишь бы дышать вольным воздухом и вспоминать бабушку с дедушкой.

Несколько лет дом пустовал, так как без машины с больной мамой туда было не добраться. Лишь когда я вышла замуж и приобрела «вторую маму» – свекровь, дом ожил. Свекровь там жила с весны до осени, как и мои родители, выращивая урожай картофеля, овощей и фруктов.

Это было большим подспорьем, особенно в девяностые. Я приезжала туда с мужем в отпуск. Всё шло своим чередом. Когда я вышла на пенсию, это было спасением уехать на воздух от шума городского на целое лето, а то и до декабря в зависимости от погоды. Это я стараюсь делать и сейчас.

Кому же теперь пригодится моё наследство? В последнее время по телевизору часто видишь борьбу родственников и самозванцев за наследство известных артистов, певцов и других состоятельных людей.

Но вместе с тем в обыденной жизни слышишь такие разговоры, что дочь не хочет замуж выходить – не за кого, а у нас три квартиры в Москве, доставшиеся по наследству, и хорошая со всеми удобствами дача в Подмосковье. Пропадает богатство. Или: «Дочь замуж вышла, а детей не хочет. Ей наша дача и не нужна вовсе. Всё по заграницам разъезжает, носу к нам не кажет. Вот и пойми, что ей нужно? Нас не станет, кому это всё достанется? Скорее всего продадут, а деньги растратят...

Я не знаю, чем это объяснить, но меня тянет в мою деревню, где я проводила детство среди полей и лесов, хотя теперь для меня недоступны прогулки по родным местам. Тянет и всё тут. Даже уезжать оттуда не хочется, несмотря на неудобство быта.

Кстати такая же тоска, ностальгия случилась у меня в молодости по морю. Меня туда в Одессу так тянуло, что хотелось вырваться к морю хотя бы на неделю. Спасибо родителям, которые отпустили меня туда из деревни. Остаток летних каникул я провела в Одессе и её окрестностях, побывав и на развалинах древней крепости Овидиополь.

– А наследство? Что с наследством?

– Нам не дано знать, но кому-то достанется. На память.

В знак благодарности персоналу пензенского санатория «Серебряный бор»

Родными нам стали врачи и медсёстры.
Забыть вас, так скажем, нам будет не просто.
Когда же забудем, приедем к вам снова.
И снова услышим: «Будьте здоровы»!

В ответ вы услышите: «Здравствуйте, тоже».
На сказку жизнь наша была здесь похожа.
«Спасибо», – мы скажем друзьям-поварам,
Но всё же вкуснее готовить пора.

Особо отметить нам хочется Олю.
Скажите, кто с этим может поспорить?
Одна она в лицах сразу пяти...
Где же такую ещё вам найти?

Спасибо же Пензе и вашему «Бору»,
Где отразились родные просторы.
Вспомним не раз мы вашу обитель.
Пусть о вас знает не только ваш житель.

Расскажем мы миру про ваше богатство,
Оно ведь и в людях должно отражаться.
Спасибо вам, люди, за ваши труды.
Отныне мы в Пензу навек влюблены!

Михаил Просперо

Трипитака каменного сада

1

Мир затихает, совсем обесточенный
Мир засыпает, скандалом накрученный
Мир пусть считает, что кризис на счетчике
Мы – не они, мы не жадностью мУчимы
Мы тоже дышим сигарой и выхлопом
Но не умеем юлить и скулить. Слово в Начале.
В конце слово было бы. Слово, которое не обнулить.
Я просыпаюсь на острове сказочном
Я слышу всё, что рассказывал мне
Пчёл Ориона Ведущий и Пасечник.
Сеющий Сад философских камней.

2

Катятся камни, мир неспокоен нынче.
Молится Гамлет, птицей клокочет Ницше.
От колокольного звука оглохли оба – Ван Гог и Бетховен.
То ли сон в руку особый? То ли правда ветер верховий?
Тот, что приносит камни с красного Марса.
Тот, что приносит воду с белой Венеры.
Тот, что убьёт дракона из крови и мяса.
Тот, что ведет невесту Любви и Веры.
Катятся камни по темным водам осенней Катунь
Каётся Каин, Авель ждет полнолуния.
Праведником ли лучше? – ржавым замком на забытой двери?
Добрые люди научат распять и верить.
Тот, кто сказал тебе, чем плачут убийцы.
Тот, кто сказал Христу, чем легче распятие.
Тот, кто велел судьбе на секунду остановиться.
Тот, кто танцующую звезду наделил огненным платьем.
Катятся камни по тропам моих заблуждений.
Кажется, там мне легко, как цветку на ветке весенней
Ночью второго пришествия жизни в тело усохшей вишни.
Ниша уже сумасшествия – нимб спокойствия Ницше?

3

В теплую землю просятся влажные зерна.
Начал копать, но звенит лопата о камень.
Разве зерно не дитя из притчи Нагорной?
Разве движение жизни не должно добыть из земли руками?
Перебираю камни и тернии-корни.
Труд мне не в тягость, наоборот, так легче.

Так отдыхает душа от дней иллюзорных.
Так ухожу из рынка в прочную Вечность.
Камни кладу между чистой землей и сорной.
Мне не враги они, но всему есть время и место.
Помнишь о муже разумном из Проповеди Нагорной?
Помнишь, что нужно ставить свой дом
на скале по имени Честность?
...пишется трудно. Слова, как неровные камни.
Словно и их притираю друг к другу, кладу в дорогу.
Так по трудам приближается к нам забытое-давнее.
Так по песчинке, по камушку, может быть,
строится лестница к Богу.
Перебираю камни и тернии-корни...

Вы заходите в сей сад белокаменный.
Вы поглядите, как Пасечник Пламенный
Мед Ориона льёт в Камень с окалиной.

Переполение пустотой – без тебя

*Когда ты отнимаешь руки от меня,
Я чувствую такую пустоту,
Что впору за тобой рвануть,
цутром звеня,
Творить с тобой совместно радость ту, Которую словами
не сказать...
А может и не стоит называть.
Т. Помысова*

Переполение пустотой – без тебя —
Этот холодный сумеречный ужас
Я бы назвал солнечным затмением
Если бы у него уже не было Тайного Имени
Написанного на темной стороне Луны
На пересечении двух снов – о тебе —
Помнишь ли?

Я плыл в прохладном море накануне рассвета
Ты принесла мне розовые очки,
Чтобы я мог увидеть твои розы такие теплые,
Как будто прикасаешься к твоему шелковому платью,
Но если отнять руки...

Эмиль Куман

Эмиль Куман (1938—1975) – учёный-физиолог, исследователь, автор многочисленных статей и изобретений в области электрофизиологии, логопедии, механики, литературы. Поэт, призёр конкурсов чтецов, почитатель творчества А. С. Пушкина, В. В. Маяковского, А. А. Блока, Е. А. Евтушенко и других поэтов, исполнитель их стихов. Поэзия Эмиля Кумана во многом связана с Агитбригадой биофака МГУ, в которой он выступал в составе художественной и лекторской групп в походах по различным городам России. Песни со стихами и музыкой Эмиля до сих пор живут в студенческой среде биофака, а песня «Южных краёв не надо...» стала гимном факультета. За свой короткий путь Эмиль Куман – творческий, жизнерадостный, пылкий труженик – оставил яркий след в душах многих друзей, родственников, соотечественников. Различные сферы науки, искусства и техники наполнились его трудами. Свет, зажжённый Эмилем, с годами становится всё ярче, и пусть стихи, частичка его творчества, украсят и вашу жизнь.

Софья Куман, дочь

«Текла речка Чулым, стоял волшебный лес...»

Текла речка Чулым, стоял волшебный лес,
Смешались огоньки земные и с небес.
Светился красный Марс вдали – от маяков,
И в небо вышел пёс Есенинских стихов.
И чуточку странна, смущенно покраснев,
Смеялась нам луна, на облачко присев.

«Липы опять цветут...»

Липы опять цветут,
Чего-то все люди ждут,
Но песню найдёшь едва ль,
Лиричной мелодии Ткаль.
Можешь объехать мир
До самых Йеменских пустынь,
Но песню найдёшь едва ль
Лиричной мелодии Ткаль.

Помнишь, как Биофак
Звёзды носил на руках,
Бери же её навсегда
И помни, что это – звезда.
Липа опять цветут,
Чего-то все люди ждут,
Но песню найдёшь едва ль
Лиричной мелодии Ткаль.

Так, что я хочу построить город

Ты построй мне город, Наташка,
Не небесный построй – земной.
Ангелкам надо вычурность башен,
Мне же нужен, как солнце, простой.
Я такой, как есть – физиолог.
Ненавижу работу свою
Ненавижу агитбригаду.
Ненавижу тебя. Но люблю.

Отними всё это у сердца,
То, что ненависть и любовь.
И не будет меня у песни —
Будет Куркино без огоньков.
Ты построй мне город, Наташка,
Не небесный построй – земной,
Ангелкам надо вычурность башен,
Мне же нужно, как солнце, простой.

«Очень много песен сочинили...»

«Рыжие – они бестыжие!»

И. Волгин

Очень много песен сочинили
Молодые мальчики поэты
Про девчонок золотисто-рыжих,
Маленьких курносеньких студенток.
Все они красивы почему-то,
Почему-то нравятся такие,
Заставляют жмуриться под утро,
Приходя с лучами озорными.
Именно такими вот губами
Вешняя мелодия поётся,
Именно такими волосами
Светит человеческое солнце.
Пусть поэты мальчики вздыхают
По весёлым девичьим смешинкам —
Золото не просто получают.
Золото приходит по песчинкам.

«Всё бегу от тебя, всё бегу...»

Всё бегу от тебя, всё бегу,
Но куда от тебя денешься?
Вот и снова на каждом шагу
Ты мне веришься, снова веришься.
Я к груди прижимаю других,
Но лишь ты мне сжимаешь сердце.

Ты рождаешь во мне каждый стих —
Никуда от тебя не деться.
Ну, а может я это придумал,
Как придумал о рыжих песню?
Всё равно это чудо, чудо —
Видеть солнце в груди у Вселенной.

«Когда идёшь ты правильной дорогой...»

Когда идёшь ты правильной дорогой,
И ясно всё, что будет впереди,
То у тебя надежд совсем немного
Неведомое что-нибудь найти.
И мужество большое увидеть
В той, о которой всё, казалось, знаешь.
И где-то голос: «Люди!» услышать,
А рядом шепот: «Разве ты не знаешь?»
И не понять, как пахнет в небе дождь,
И как скала дробится под ногами,
А солнце повстречаешь, не поймёшь,
Как трудно жечь ему на море пламя.
Когда идёшь ты правильной дорогой
И ясно всё, что будет впереди,
То у тебя надежд совсем немного
Неведомое что-нибудь найти.

«Я захлёбываюсь от Межелайтиса...»

Я захлёбываюсь от Межелайтиса,
От Чюрлёниса, от счастья, от всего.
Если вы такое же узнаете,
Значит, вы познаете его.

И Литву: янтарь, песок и краски —
Родину Капелюсов и их,
Солнце, превращающее в сказки,
Краски, превращающие в стих.

«Я люблю всех беременных женщин...»

Я люблю всех беременных женщин,
Потому что ведь это ты.
Ребятишек мал-мала меньше

Бомбардируют животы.
И они поднимаются к сердцу,
Душу впитывая человечью.

«Хочешь дать мне счастье, маленькое счастье...»

Хочешь дать мне счастье, маленькое счастье,
Хоть кусочек счастья, чтоб был легче путь —
Поцелуй со страстью, с девичьей страстью,
С человеческой страстью упади на грудь.

Чтоб душа звучала и пылало сердце
На губах горячих, в волосах твоих.
Чтоб ты услышала: моё сердце бьётся,
Каждое биенье складывая в стих.

«Сколько раз мы ходили, дорогие девчата...»

Сколько раз мы ходили, дорогие девчата.
Сколько раз отправлялись от стен Биофака.
Это было давно и теперь уже давнее.
Это, в общем, прошло, но осталось ведь главное.
Мы на вас надевали рюкзаки и фуляры¹
Вы порою дрожали, но вы не уставали.
Убегали в снега и кружили нас песнями,
Заставляли страдать – было время чудесное.
Вы солиднее стали, обзаводитесь семьями.
Мы вас снова узнали и не только весенними.
Стало больше забот, всё не так, всё по-новому.
Но в вас каждой поёт что-то очень знакомое.
Будут встречи иные, будут женщины новые,
И обычной стихия. Станем мы образцовые.
Все, что было давно, то теперь уже давнее,
Это, в общем, прошло, но осталось ведь главное.

¹ **фуляр**. 1. текст. тонкая, лёгкая и очень мягкая шёлковая или полотняного переплетения ткань. 2. разг. изделие из такой ткани.

Донорская

Всем известен один секрет:
Восемнадцать бывает лет
Вам девчонки только раз,
Нет тогда счастливей вас.
Ведь, когда вам столько лет,
Никаких препятствий нет.
Стоит только захотеть,
Можно многое суметь.
Коль не поётся – танцевать
Иль даже в сказку поиграть,
А кровь² мальчишек течёт рекой,
Лишь только их позвать рукой.
Им можно конкурс объявить,
Что лучше девочкам дарить.
Поехать можно в Ленинград,
А лучше всё ж в Звенигород.
А можно просто на всё плевать,
И взяться вирусы считать,
Ведь вирус просто ДНК,
Что в оболочке из белка.
Пускай припишут мне плагиат,
Но петь девчонкам всегда я рад.
От восемнадцати своих
Вы вырастайте до моих.

² – Донорская

«Южных краёв не надо ...»

Южных краёв не надо —
Снежных немало есть.
Бродят девчонки и парни —
Ищут нехоженных мест.
Припев: Будет у тебя наука,
Будут ещё дети, внуки,
Будет две тыщи какой-то год,
А в сердце агитпоход.

Белые лапы елей,
Ветры с уральских год
Ту же мелодию пели,
Что биофаковский хор.
Припев.

Наши зрители – дети
Скажут о нес потом:
«Знаешь, я видел студентов,
Сидя ещё под столом».
Припев.

Вспомнит походчик старый
Вас, чудеса, опять,
Как выступать в фуляре,
Как на ранжир вставать.
Припев.

Агитбригада

Сначала её родили,
А после сто раз хоронили,
И снова она молодела,
И снова куда-то летела.
Она дорог не боялась,
Над сплетниками смеялась,
Под солнце взмывала фуляры,
И парус тянул её алый.
В ней было что-то такое
Душевное, незабывное,
Ещё в ней была девчонка,
Но это вопрос уже тонкий.
И всё, что она имела —
Звучало, играло и пело
Со сцены, в полях, на вокзалах —
В сердцах огоньки зажигало.
Спасибо вам, те, кто родили,
И те, кто с ней здорово жили,
И те, кто с ней нынче шагает!
Так пусть она всем помогает!

«На колени выгнулась берёзка...»

На колени выгнулась берёзка
И на весь свой век осталась так стоять.
Ну а день был светлый и морозный,
Что ж тебе, берёзонька, сказать?
Видишь ёлку, что стоит напротив,
Шишками украсившись под новый год.
Тоже, что-то хочет, счастья хочет,
Ну, а разве ты наоборот?
Разве зря ты перед ёлкой встала,
В небо тянешься и всё молчишь, молчишь?
Не смотри ты так печально и устало
Ты ещё весной заговоришь!

«Вижу тебя я белою, что же с тобой поделаю...»

Вижу тебя я белою, что же с тобой поделаю
И куда без тебя пойду на свою беду.
Вижу тебя далёкую, в общем, не одинокую,
Но я-то ведь знаю, что ты без меня всё-таки одна.
Снова мне видишься белою милою, чуть несмелюю.
Как много хорошего могут сказать лучики в глазах.
Может я много сделаю, будет планета белою
Садами весной, снегом зимой и ещё тобой.

«А город был Ленинград и двадцать было тебе...»

А город был Ленинград и двадцать было тебе,
Салютный сыпался град и мы бежали к Неве.
И песня о рыжих плыла, и вывод был в песне чудной...
Тогда ты белёсой была, а стала теперь золотой.
И грянуло солнце на нас, и мы полетели за ним.
Пусть светит огонь твоих глаз всегда, всегда золотым.

«Живём мы папаша, в атомный век...»

Живём мы папаша, в атомный век,
В атомный век живём.
Быть может и странный я человек,
Но быть мы хотим вдвоём.
И пусть не мешают ни Вы, ни друзья,
Традиции нам нипочём,
Дарите душевность, давайте огня,
А быть мы хотим вдвоём.
Хотим мы, чтоб солнце светило нам
Так просто и хорошо.
И я не один, и она не одна.
Мне надо, что я нашёл.
А если не солнце, а если снег
И трудно идти далеко,
Быть может и странный я человек,
Но вместе нам будет легко.
И пусть не мешают ни Вы, ни друзья,
Традиции нам нипочём,
Дарите душевность, давайте огня,
А быть мы хотим вдвоём.

«Я хочу побыть немножечко один ...»

Я хочу побыть немножечко один —
День стихов сегодня и закончится.
Начался здесь мой ещё не закричавший сын,
Он давно уже стучится: к солнцу, к маме просится.
Он ещё не знает про меня
И про эти милые берёзы.
Как им всё-таки не хочется ронять
Золото на головы прохожих.
(Я люблю их раннюю весной,
Когда в рощах ещё много снега
Лишь они с своею белизной
А над ними голубое небо.)
Он не знает, где он побывал
И какая у мальчишки мама,
Как он ей сердечком помогал
В мужество карабкаться упрямо.
Он не знает, что поэзией рождён,
Под поэзией он рос и создавался.
Сколько лучших душ промчавшихся времён
Надо было нам, чтоб он начался.
Я хочу побыть немножечко один —
День стихов сегодня и закончится.
Начался здесь мой ещё не закричавший сын.
Он давно уже стучится: к солнцу, к маме
просится.

«Моей девчонке, ещё неловкой...»

Моей девчонке, ещё неловкой
Наш мир огромный задрал головку.
Ей интересно и ей непросто
Узнать, а как там у взрослых ростом.

«Я ведь не был дома лишь неделю...»

Я ведь не был дома лишь неделю
Для меня не очень долгий срок
Одуванчиков головки поседали
И пропал их рыжий волосок.

«До чего прекрасен мир, до чего прекрасны люди...»

До чего прекрасен мир, до чего прекрасны люди,
Те, которые большие, те, которым много нужно.
Эти люди столько видят, эти люди столько могут.
Быть слабее – с ними стыдно, с ними нужен мир, ей богу.

«Как хорошо, что есть на свете такое пятилетье...»

Как хорошо, что есть на свете такое пятилетье.
И есть такие люди – легко им, если трудно.
И есть ещё леса, а в них огонь и ты,
И люди, чтоб дарить, придумали цветы.

Марина Сорокина

Куда плывут облака

Посвящается русскому художнику, Мастеру

Я спрашивал себя много раз: есть ли в мире такое отчаяние, чтобы победило во мне эту иступленную и неприличную может быть жажду жизни, и решил, что, кажется, нет такого. (Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы»)

Куда плыли облака? Ослепительно белые, освещенные солнцем, недостижимые, непостижимые. Августовское солнце играло белым светом на листьях берез. И они трепетали серебряными монетками на ветру. Сколько радости от солнца! Оно скрылось ненадолго, но затем опять ярко появилось из-за белого облака, осветило черепичную крышу дома и красные сосны. Ветки яблонь в моем саду согнулись под тяжестью плодов. Яблоки маленькие, зеленые, но их так много, что ветви стелются по земле. Освещены солнцем и цветы уходящего лета.

И такое счастье разлилось в этом солнце, в полуденном зное и в ярких бликах. И тайная радость, которая скрывалась в моей душе, а затем, совершенно внезапно, распахнулась навстречу любви... Так куда же плыли эти облака? Я знаю – в страну нашей памяти, где мы бережно храним любимых людей и события, не давая им уйти в небытие. «...Ибо всё океан, всё течет и соприкасается, в одном месте тронешь, а в другом конце мира отзовется...»³

Белая церковь. Начало

Она подошла к порогу Юрьева монастыря, что построен на реке Волхов, в окрестностях Великого Новгорода. Река несла свои синие воды куда-то далеко-далеко, в неведомые ей дали. Была середина лета. Она ступила на узкую тропинку, ведущую к монастырю. Трава вдоль дороги была некошенная, высокая: полынь да ромашка. Пахла трава терпко, горько. Ах, какой дурманящий запах земли стоял в летнем воздухе! Пела душа от знакомого духа русской земли.

И вспоминалось детство, и время, когда была еще очень мала, а земля казалась ей тогда огромной. Монастырские ворота были широкие, она вошла в них и остановилась, увидев белую церковь. Церковь стояла в центре двора, похожая на большую белую птицу. У нее возникло чувство, как будто бы ее построили не руки человеческие, а соткался храм Божий святым духом из яркого света. Церковь парила, стремилась вверх, к бегущим облакам и к своему крылатому покровителю Святому Георгию.

Русская женщина всегда «истово верит в Бога». Она подошла и положила руки на белёные, толстые стены храма. Теплая сила, идущая от них, согрела ее, и содрогнулась душа рабы Божьей Марии, до самых недр.

Гриня

Она приехала из Петербурга в Великий Новгород к своему любимому. Он не был монахом и вел довольно богемный образ жизни. Сергей Гриницын, так его звали, был художником. Проживал он на территории монастыря, как и другая художническая братия, «вольным каза-

³ Ф. М. Достоевский

ком». Рисовал картины, любовался на реку Волхов, несущую свои быстрые воды мимо монастырских стен. Ловил рыбу неводом и мечтал, наверное.

Сереже Гриницыну в ту пору было лет тридцать шесть, не больше. Всем хорош был Гриницын: тонкий стан, гордая, кудрявая голова. Глаза яркие, синие, так и пробирали насквозь женское сердце. Лицо породистое, чувственное, с оскалом, немного хищным. Похож он был на своего кудрявого тезку Сергея Есенина. Только взгляд ярких глаз не мягкий, как у поэта, а пристальный, цепкий, взгляд охотника. Она познакомилась с ним в компании художников, вечных бродяг. Подруга, принимавшая участие в судьбе Маруси, как-то заметила ей:

– Тут Сережка Гриницын скучает в одиночестве. Очень из вас симпатичная пара получились бы!

Маруся промолчала в ответ. Но однажды зимним вечером они встретились на одной из богемных вечеринок. Мария увидела Гриницына в толпе друзей и узнала его. А когда Гриницын провожал Марусю домой, она забыла всё на свете... Так бывает, когда всем своим нутром любишь. Потом они сидели у Маруси дома и говорили о жизни и о друзьях. О живописи, обо всём...

Много курили, смотрели в окно на реку Неву, освещенную ночными огнями. Была колючая, питерская зима. А небо в тот вечер было глубокое, темно-синее, и быстро плыли по нему серые, холодные облака. Он ушел ночью, не дожидаясь рассвета. И долго не давал о себе ничего знать. Позвонил Гриницын накануне Нового года. Она ждала его звонка, но как-то спокойно, с внутренним чувством, что он появится. Молодые люди условились о встрече. Она бежала к нему, «не чувствуя под собой ног». Город зажигал праздничные огни. Мастерская Сергея находилась в мансарде старого доходного дома на улице Марата. Лестница, ведущая в мансарду, была темная, узкая, с высокими ступенями. Она взлетела по ней, «как на крыльях».

Мансарда, словно голубятня, расположилась под крышей дома. Входные двери были толстые, железные, с огромными засовами. Сергей открыл дверь и взглянул на Марусю настороженными глазами. Но она не увидела этого взгляда. Сердце ее очень сильно стучало в тот миг. Она старалась унять его, как могла, но ей ничего не удавалось. Она робко зашла в дом. Из окон мастерской Маруся увидела зимнее небо. На фоне его темнели старые печные трубы и антенны домов. Зажигались огнями небольшие окошки соседних мансард. Петербургские пейзажи, сумрачные и родные... Гриницын важно показывал свою мастерскую госте.

– Эх, Гриницын, Гриня, кудрявая голова...

Потом он зажег свечи и стал целовать ее. Ложе для них он сделал на полу. Положил огромную, белую доску на деревянный паркет, сверху устлал ее матрасами, белыми простынями... Маруся сняла резинку с волос, тряхнула головой, и темные длинные волосы упали шелковым каскадом на спину и руки. Сбросила быстро с себя всю одежду и засветилась белорозовым светом в темноте комнаты.

Ее светлая кожа сияла от любви и волнения. Она легла на спину и смотрела, как он приближается. Свечи ярко горели, и комната сделалась вся коричневого, теплого цвета. Две длинные человеческие тени сливались на освещенной стене. Она целовала его лицо, с любовью всматриваясь в глаза... И не могла понять выражение его лица. Он всё время молчал. «Как бы мне насмотреться на твое лицо на всю жизнь, любимый!» – думала она.

Сретение

Зима уходила, дни были солнечные и теплые. Наступало Сретение. Она увидела его картины в тот вечер. Он был Мастер и как-то совсем необычно писал свои холсты, белые картины. На них белые стены православных храмов с вытянутыми, узкими окнами стояли на зеленой траве, смотрели лики русских святых, люди и звери...

Некоторым может казаться, что белый – вовсе и не цвет. Но это не так. Именно белый цвет жил на этих картинах и всё объединял! Он был цветом жизни, светом. Люди всегда видели белый свет в темном пространстве ночи, он везде окружал их. Он выводил их из темноты.

Белый и черный – короли цветов. Белый цвет сталкивался с черным, красным... чтобы быть поглощенным и отброшенным. И тогда возникали свет и тень. Белый свет давал видеть все цвета мира. «Ведь в белом свете есть духовное начало и рождение духа...»⁴ Солнечным, белым светом пронизаны все мы.

– Что такое «Сретение», Сережа? – спрашивала она.

– Это Встреча, – Гриницын отвечал, не поворачивая головы от холста. Он заканчивал писать работу. Картина стояла на полу. Гриницын писал низ холста, согнувшись и присев на корточки. Он говорил с Марусей и не отрывался от работы.

– На картине встреча старого и нового, Марии и Симеона. Посвящение Богу младенца Христа. Только на сороковой день после рождения Мария и Иосиф принесли младенца в Иерусалимский храм. Маруся увидела, как на фоне белой стены святой Иосиф протягивал руки к Марии и младенцу Христу.

«Здесь белый цвет менялся, под ним появлялся черный цвет, затем опять белый. Всё было в волнообразном движении. Всё пронизано красными лучами». ⁵Возникающий цвет можно было назвать теплой, живой охрой с красным, цветом жизни. И им была написана на картине фигура святого Иосифа.

«Из смешения этих трех цветов возникал образ и цвет инкарнат – живой образ души». ⁶Мария, склонившись, передала младенца Симеону. Мария была на картине в черной одежде. Как будто ушла жизнь. Но сиял дух ее в храме.

Святую Анну Гриницын написал в красном покрывале. Этот равномерный красный цвет был спокоен. Но это было только остановившееся движение красного в картине. На самом деле красный цвет пел в Марусе в тот миг, и его было не остановить. В один из дней Гриницын пригласил ее в гости в Юрьев монастырь, где жил весной и в летнее время. Она была несказанно рада этому приглашению.

В келье

В Юрьевом монастыре смелость ее улетучилась. Она долго стояла у церкви, смотря на белые стены. Но внезапно увидела идущего по двору человека и окликнула его... Это был бородач среднего возраста. Маруся набралась смелости и сказала:

– Извините, как я могу найти Сергея Гриницына?

Мужчина улыбался.

– Пойдем, милая, я провожу тебя.

Они вошли в одну из дверей старого, одноэтажного здания и двинулись по длинному темному коридору с множественными комнатами. Бородач поймал ее взгляд и сказал:

– Это кельи.

Какой только братии не было на территории монастыря, особенно в летнее время! Художники, археологи, писатели... Да, разный русский люд находил пристанище в этих стенах. Жили здесь и монахи. Как-то соседствовали все, дружили, пили вино и рыбачили.

Некоторые разбили свои огородики в большом монастырском дворе. Стены здания были толстые, мощные. Они подошли к одной из дверей, бородач постучал в нее. Дверь открыла молодая женщина с ребенком на руках.

⁴ И. В. Гёте, «Теория цвета»

⁵ И. В. Гёте, «Теория цвета»

⁶ И. В. Гёте, «Теория цвета»

– Лиана, – обратился он к женщине, – Сергей где? К нему гостья.

– А Сергей на рыбалке, – последовал ответ.

Сердце Маруси упало и глухо застучало от взгляда на женщину с ребенком. Она слышала только звук своего сердца и больше ничего. Женщина радушно улыбнулась Марусе и пригласила войти. Но Маруся быстро попрощалась и устремила к выходу. Она вышла на улицу и глубоко вздохнула. «Что делать?» – стучало в висках. Она как будто потеряла равновесие и парила в воздухе, не зная, к чему прислониться, чтобы не упасть. Она вышла с территории монастыря и побрела по высокой траве к дороге, ведущей в Новгород.

Только сейчас она заметила, что наступала ночь. Маруся подумала, что до города ей уже не добраться и идти ей некуда. Она вдруг успокоилась и вернулась вновь к монастырю. Навстречу ей шел монах, видимо, он направлялся к реке. Маруся подошла к нему и стала сбивчиво рассказывать свою историю.

– Бежала, бежала и прибежала. Несла чашу с дарами и расплескала. Опустила руки, и чаша моя разбилась. Черепки можно склеить, да примета плохая. А дары мои где? А они ведь, как вода, утекли. Монах стоял и слушал историю, а затем ласково произнес:

– Не грусти, Мария! Есть у нас для тебя кров и ночлег.

И они направились к невысокому дому. Неожиданно в дверях появился Гриницын, он шел в компании рыбаков. Сергей радостно и широко улыбался. Затем открыл объятия и расцеловал Марусю. Так же весело сказал монаху, что теперь сам отвечает за гостью, и повел ее в свою «келью».

Это действительно была келья, оборудованная под жилую комнату. Гриницын соорудил полати с деревянной лесенкой, ведущей на второй этаж. Гриницыны накрыли праздничный стол. Маруся сидела на деревянном диванчике, изнывая от тоски. Она не любила «делать вид», когда на душе было так плохо. Маленькая Соня качала белокурой головкой и что-то лепетала, разглядывая гостью. Маруся подумала: «Какой прелестный ребенок у них. А я что? Зачем я здесь? И что у меня есть? Ничего...»

Она уже не чувствовала боли, просто равнодушие. Праздничный ужин закончился... Сергей отправлялся на рыбалку, в ночное. Маруся была приглашена. Компания собралась большая и шумная. А ночь выдалась лунная и торжественная. Яркая луна освещала реку Волхов золотым светом. Ветра не было. Ночной воздух, напоенный ароматами лета, сделался прохладным и звонким.

Рыбаки закинули свои сети в воду и побрели вдоль берега, о чем-то переговариваясь, смеясь. Маруся вглядывалась в их силуэты, пыталась понять их неспешный разговор. Но были слышны обрывки каких-то фраз.

И вдруг ей сделалось нестерпимо душно. Разочарование обжигало душу все сильнее. Она разделась, вошла в воду и поплыла в холодной, быстрой реке. Смотрела неотрывно на полную, желтую луну и на темный лес на горизонте. Она погружала свою горящую голову в прохладу, и боль уходила, как будто холодная река забирала ее с собой.

Маруся вышла из воды под удивленные возгласы шумной компании, быстро оделась. Она более не чувствовала холода и тоски, быстро шла в веселой, хмельной компании, пытаясь не отстать от рыбаков. Сергей улыбался и качал головой. Они вернулись в монастырь глубокой ночью.

Гриницын проводил ее в келью и ушел. Каким странным показалось Марусе ее пристанище. Комната была длинная, с невысоким потолком. В ней стояли деревянный стол, грубо вытесанная кровать. Хозяйка комнаты уехала в город, и Марусе любезно предоставили временное жилище. Свет в комнате был тусклый. Она неподвижно сидела на кровати, думала. Наверное, о том, что разбились ее мечты и что надо бежать отсюда как можно скорее.

Неслышно приоткрылась дверь, пришел Сергей. Он сел на краешек кровати и стал гладить ее по плечу, поцеловал. Маруся вздрогнула и погладила ответно его кудрявую голову. «Искушение в монастыре...» – подумала она.

– Не могу, Сережа, уходи.

Гриницын пожал плечами и ушел. Маруся выключила свет, а затем легла на высокую, жесткую кровать. Она не спала, смотрела в темноту. Маруся лежала в келье Юрьева монастыря и думала о том, какая сила привела ее в этот монастырь и как жить дальше... Она вспомнила церковь Святого Георгия, похожую на белый остров. И ей стало хорошо от этих мыслей. Как славно находиться в этой церкви, как будто бы она приехала ради того, чтобы увидеть ее. Стало легче...

Святой Георгий

И образы, звуки убегающего дня стали проплывать перед ней беззаботно и быстро, совсем без печали. Маруся заснула. Ночь раскрыла свои объятия, и она увидела святого Георгия на белом коне, победителя. Он был красив. Как хорошо – побеждать! Всадник смотрел на нее так ясно.

Но она вся оцепенела от его взгляда. «Это сон, – подумала Маруся. – Помоги мне победить Змея, Георгий!» Он молчал. Раздвигались стены тесной комнаты, и плыли по небу белые, торжественные облака. Святой Георгий на белом коне медленно и величаво двигался с ними, как со своим воинством света.

Плащ Георгия был алого цвета, пронзительного, как кровь. Ткань плаща развевалась на ветру, она заполонила полнеба. И постепенно стала похожа на яркую, тревожную зарю. Звезды на небе светлели, и вскоре погасла последняя. Восходило Солнце, осветившее русые кудри Георгия золотым огнем.

Засветились доспехи, в которые он был одет, засветился ярко нимб над его головой. И весь молодой лик его сиял. И как по велению высшей воли, белый конь святого Георгия поднялся на дыбы. А воин Георгий осенил себя крестным знаменем, поднял копье и нацелился им в темное чудовище, которое ползло по Земле, сея ложь и страх.

И со словами «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа» он пронзил чудовище в самую глотку, копьем прижимая к земле. А конь его топтал змея. Георгий молился так неистово, как в далеком детстве, в Бейруте, когда утреннее, золотое солнце освещало вершины Ливанских гор. И мать его, христианка, говорила ему о силе Бога...

И взошло Солнце... Сегодня оно было белое и прозрачное. Надо возвращаться домой. Все пути ведут в дом. И куда только не заводят нас эти пути? А тут еще – распустье... Если бы знать, где упадешь? – думала Маруся.

Она встала рано. Торопливо оделась, закрыла дверь и вышла во двор. Маруся посмотрела на спящие окна домов, на белую церковь и на ясное, утреннее небо. Тишина стояла в воздухе. Затем подошла к монастырскому колодцу, зачерпнула холодной воды и умыла лицо.

– Ну, вот и всё. Прощайте, – сказала она и быстро пошла к воротам.

Вот и узкая тропинка, ведущая к большой дороге. А вдоль дороги всё полынь-трава да дикая ромашка растет. Маруся шла через высокую траву, вдыхая ее аромат, и вспоминала... Затем она встала на дорогу и долго смотрела на серо-голубое, блеклое небо и белое солнце.

– Ну что же, начинаем всё сначала, – сказала она.

Старенький, провинциальный автобус нескоро показался на горизонте. Водитель подобрал одинокую путницу на пыльной монастырской дороге.

– Что так рано в путь собралась, девушка, бежишь от кого? – шутил шофер.

– Всё просто – не сошлись дороги. И никто мне не стал ближе и не вернет назад, – тихо ответила Маруся.

Послесловие

Она шла по улице, всматриваясь в незнакомые лица. Маруся всегда замечала лица прохожих. Такая странная привычка художника – изучать людей. Ярко светило июльское солнце, с залива дул свежий морской ветер. Она чувствовала себя красивой и легкой. Прохожие оглядывались на нее. Маруся видела их внимательные взгляды.

Она вернулась из Новгорода недавно. А сейчас спешила на встречу к новому другу. Они познакомились на днях, быстро сошлись. Между ними возникло притяжение, которое ее очень устраивало. Любить одного, чтобы встретить другого... Она старалась не думать об этом. Маруся опаздывала и шла очень быстро. Затем она вбежала в метро и остановилась только на лестнице эскалатора. И неожиданно она услышала громкий крик, обращенный к ней:

– Мария!

Ее имя зазвучало под сводами оглушительно громко, как на весь свет, и прокатилось эхом по залам. Потом долгое время она помнила этот крик. Хотя, что было в том? Наверное, радость...

Маруся увидела его сразу. Гриницын стоял на эскалаторе, поднимающемся вверх, и радостно улыбался ей. Маруся помахала ему рукой и долго смотрела вслед. Она всё поняла только в тот миг, когда он крикнул ее имя... Но их параллельные пути никак не могли пересечься тогда, как ни стремились друг к другу. А может быть, где-то параллельные линии все-таки сойдутся, – где-то там, в бесконечности, в далеких мирах? И люди этого просто еще не доказали?

Мадонна в гроте

Светлому гению Леонардо да Винчи...

«Где дух не водит рукой художника, там нет искусства»
Леонардо да Винчи

Жизнь – начало, весна. Я шла через цветущие долины неизвестной страны, шла к голубым горам, которые видела на горизонте. Я думала: – Что это за пейзаж, и где видела его? Это моё прошлое или моё будущее? Ранняя Весна разбудила Землю. Всё просыпалось и звучало неповторимой музыкой. Я рождалась вновь Весной под знаком Равноденствия. Вскоре, я увидела Море в окружении голубых скал. Совершенно фантастический пейзаж... Воздух был светло – синим и звенящим, может это чувство возникало от взгляда на весеннее, синее Море и голубые скалы. Никогда не видела столько светло – синего цвета...

Я не встретила ни одного человека на своем пути. Но мне не было одиноко и холодно. Я растворилась совершенно в мире, и чувствовала себя одним целым с этими поющими птицами, цветущей Землёй и Весной. Я хотела спуститься ближе к Морю, но местность была скалистая. «Спуск к воде может быть опасен», – подумала я. И отправилась вверх по дороге в горы. Дорога была широкая, и идти по ней было легко и свободно. Я увидела грот и вошла в него. Зеленая, водяная трава и плывуны устлали пол пещеры. Бледные, белые ирисы виднелись в траве. Было странно увидеть эти цветы среди суровых и острых скал. Небольшой родник пробивался среди камней. В пещере было немного сыро и зябко. И как – то совершенно необыкновенно благоухали ирисы тонким ароматом.

Но главным чудом было то, что я увидела в гроте юную женщину с двумя младенцами, они сидели на траве. Правой рукой она обнимала одного младенца, левой осеяла другого.

Женщина была одета в синее платье. На ней был накинут плащ, которым она покрывала одного из младенцев. Он молитвенно сложил ручки. Другой младенец строго поднимал пальчик. Рядом с ним расположился коленапреклоненный светлый Ангел. Он увидел меня первый. Затем, женщина подняла голову, улыбнулась и посмотрела мне в глаза. «Боже мой, это же Царица Небесная,» – подумала я.

Мария, Матерь Божья сделала жест рукой, приглашая подойти. Я приблизилась к ней и присела на траву. Мария провела своей рукой по моей голове. Её прикосновение согрело меня, как ласка матери. Тогда Матерь Божья спросила. – Что привело тебя к нам?

– Я не знаю, как мне двигаться дальше по пути моей жизни. Время как – будто остановилось для меня. – Отвечала я.

Через несколько секунд Мария обратилась к сидящему у ног её Ангелу.

– Архангел Уриэль, посланник «Спасения», на челе твоём радуга и белый свет, который несёшь с собой. Ты стремишься сотворить Рай на Земле. Ты исцеляешь, и даёшь силу людям двигаться по новой дороге без страха, одариваешь мудростью распускающегося цветка, который точно знает своё предназначение. Освети путь!

Я заглянула в глаза младенца, сидящего рядом с Уриэлем. Я запомнила навсегда его глаза. У него были золотисто – карие глаза любви... Уриэль встал и протянул мне руку. Затем, он вывел меня из пещеры, не отпуская моей руки... Я оглянулась, ища глазами Марию и двух младенцев.

– Мария, Иисус и Иоанн покинули своё убежище. И мы покидаем его, – сказал Уриэль.

И мы пошли по узкой тропинке, ведущей в гору. Наш путь был долгий, и дорога узкой и тернистой. Руки исцарапаны в кровь от острых скал. Голубые горы остались далеко позади,

уже не было цветущих растений, мы не слышали пение весенних птиц. Только острые, тёмные скалы вокруг нас.

Когда я смотрела вниз, моя голова не кружилась от страха. Потому что Уриэль держал всё время мою руку. Показались снежные вершины гор. И небо дышало так близко от нас. Ослепительно голубое, безоблачное небо простиралось над нами. И когда мы вышли на небольшую площадку огромной, суровой горы, Архангел Уриэль вытянул свою руку вперёд, говоря. – Смотри, мы на Вершине.

– Как жаль, что у меня нет крыльев, как у тебя, чтобы лететь над Миром. – Говорила я Уриэлю.

– Ты просто должна убрать все свои страхи, и почувствовать свои крылья. Они у тебя за спиной, ты просто забыла о них. Вспомни, как ты летала в детстве. Это нетрудно. Вспомни. – Он отпустил мою руку и ждал. Я не напрягала свою волю, просто наполнила сердце радостью и свободой. Затем, немного подпрыгнула вверх, чтобы почувствовать силу земного притяжения. О, чудо, моё тело оказалось лёгким, почти невесомым.

От сознания, что земная тяжесть не тяготит меня больше, крылья мои расправились, я взмахнула ими и полетела над удивительным Миром. Уриэль махнул рукой мне, он остался стоять на Вершине...

– Вам понравилась моя картина «Мадонна в гроте», синьора? – Спросил меня величественный мужчина, одетый в чёрные, средневековые одежды.

– Да, Мессир Леонардо, она заставила меня забыть о силе земного притяжения. – Ответила я.

Леонардо был доволен моими словами. Он медленно произнес.

– «Испытай один раз полет, и твои глаза навечно будут устремлены в небо. Однажды там побывав, на всю жизнь ты обречён тосковать о нём».⁷

⁷ Леонардо да Винчи

Дмитрий Степанович

Тетраптих случайных совпадений

I

Моим стихам, разорванным так поздно,
Что сквозь меня уж непрогляден Стих,
Я больше не верна. Моя весна
Еще по-зимнему морозна.
И путь по ней хоть скользок мой и лих,
Но я полна
и мысли, и мечты,
Где уж не я господствую, а ты.

Мне дик и нов твой облик, повзрослевший
От ожидания верности моей,
И взгляд, мгновенно посветлевший
От ней,
И горек образ потускневший
Тех удивительных путей,
Готовых мне в обмен страстей...
Ужели их тебе не жаль?..
Но ты и прежде не любил печаль.

Забавно мне ее теперь оставить
И налегке пойти туда,
Где светит незнакомая звезда...
И даже... (не могу теперь лукавить)
...растут стихи, не ведая стыда.

II

Вы юны. И вольны лишь целиком —
Воцерковлять во ангелы и змеи,
И ныне – возразить при Вас не смею.
Но, будущностью Вашею влеком,
Спешу запомнить: корень кормит плод.
Изнемоги его – и вот —
Ни счастья, ни песен, ни понятия.
Открыты Божии объятья
Змее не мене множества коров.
И этот полухлеб и полукров
Святее, ближе в ней, чем наблюдать я
Могу, пока проходят Ваши братья.
И если Вы сомкнетесь с ними, я —
Гражданкою начальницею буду
Вас звать, Вас знать – земная колея

Не вскормит мне тождественного чуду.
Пока Вы юны – не болейте мной,
Попробуйте прийти, как станет страшно,
Когда не сможете столь бесшабашно
Беседовать с доверчивой змеей!

III

Целуя спящее забвенье, встала.
В сад бросивших и брошенных сошла,
А с ними – в даль из синего стекла
До самой грани ареала.

Здесь был отшельник-крысолов. Давно.
В угодьях – ящерки и птицы.
Вот Чудо, по тебе скользит оно,
Твой палец обхватив, садится.

Сухие ветки собери в костер,
Верни через горенье им сиянье,
Чтобы единый юный свет простер
Опять земле тепло и обаянье.

А дома – верный бело-рыжий кот,
Тот самый, что рассказывает сказки.
Он здесь бывал, а нынче – ждет
Ту, утром убежавшую без ласки,

И полуверит, что услышит снова
Страны суровой аромат и слово.
Но колоколом льется бирюза
Через янтарные глаза!

Вернусь! Иначе снова буду там!
Волшебник! У какого дола
Ты будишь жажду ореола?
Где ныне твой вигвам?

IV

О! Леди! Я приветствую! В дали,
Исполненной волнами голубыми,
Мы, что ни день, встречаем корабли,
Носящие по миру наше имя.
Одни нам видны ярче, от других —
Лишь тени, осязаемые снами,
Кто знает, сколько, не вписываясь в стих,
Еще сливаются с волнами!
Уходят дале – и не причинить
Им сдвига в зону ультрафиолета!
Нам остается только нить —

Лишь «небо в голубых глазах поэта».
Как эту нить сменяешь на волну?
И как почувствуешь удачу?
Чья жажда поторопит: ну?
Какой слезой кого оплачу?
Волна! О, бедный пятистопный ямб,
Как переносишь ты четыре?
Будь я тобою, вольнодумца я б
Уже давно топил в сатире!
...Я причинил тебе страданье, нить.
И волны здесь, готовые омыть.

Они спокойней, тише говорят,
Нешумные, неведомые волны,
Их трепетом окутанные, чёлны
Скользят как будто наугад.
Их плавные подъемы и прогибы
Нам кажутся беспечною игрой,
Но вот, пронзенные невиданной красой,
Мы умолкаем, словно рыбы...
И пламенем гудит в ушах орган,
Вмиг сдув все в душу ввёрнутые сваи,
Как если бы среди песчаных стран
Вдруг проступили Гималаи...
Две вечности спустя, заговорим,
И уж тогда – благодарим!
А там – всё слушать, вслушиваться сладко,
Как незнакомо песни говорят,
Как в простоте скрывается обряд,
Как в близком прячется загадка.
И нить свою, спряжённую волной,
Благословить, бесценный дар земной!
Страданье было дверью, мать!..
А волны здесь! Опять...

Сонет-заговёр

Куколка изношенная,
у сарая брошенная,
Новыми, хорошими,
найдена, и вот —
На камине прочном,
на кольце чесночном
Удивленно очень
встретит Новый год.

Личное-двуличное
видится отлично ей,
Только непривычно ей,
как бодрит чеснок,
Как свечная капелька
ей сияет, аленька,
Знает, знает, маленька,
что не всем вдомёк!

И течет над свечкою
вертикальной речкою,
Скруткою-овечкою
с холодом танцует
Правда потаенная,
на окне рисует

Письменами свежими,
вольницей и межами
И друзьями-вежами...
Лед, храни тепло!
Одухотворенная,
береги крыло!

Письмо с волжских степей

Не люди – карты!
Будто говорят,
Людские беды
исчисляют зычно,
Едят как будто,
а в конце – привычно
В небытие вернуться
норовят.

Там место самое —
ведь им не нужно знать,
Кто, как распродает
страну ли, душу...
Они хотят *играть*,
Дразнить за хвост
Охотливую клушу!

Еще скучнее им —
земные сны
Под снегом
в ожидании весны,
Где *тыква-сын*
пыльцою
тыкву-дочку
Обяжет...
Чудо то —
иной дозор,
Храни,
скомкав картежный вздор!
И поцелуй
принявшуюся почку!

«Система «РОЗА» – в зените творенья...»

Пленившись розой, соловей...

(А. Кольцов)

Система «РОЗА» – в зените творенья,
От первых дней – душа «СОЛОВЕЙ»!
А я? Сумею ль постигнуть свой день я?
Чью Песнь не зрю над главой моей?

И Песня ли то? А может быть, Слово:
Наречье творится, кончен Глагол...
Кого оно одарить им готово?
Какой бы Напев Ему подошел?

Зима. Пушистые санные бразды...
Далекий дом с вишневым теплом...
В пути – поэты, на рифмы горазды!

И небо мерцает синим крылом
Меж фазой дыханья Ахура-Мазды...
Сонет итальянский, русским стилем.

«Тишина от столетнего пира...»

Тишина от столетнего пира
С тишиною пустого вокзала
Обсуждала строение мира...
До конца – ни одна не сказала!

Тишина замогильного царства
С тишиной неуверенной почки
Улыбалась, – не то из коварства,
А не то – из задуманной строчки!

Тишина *неподатливой воли*
С тишиною *нестойкого крика*
К исчерпанью приблизилась боле:

Музыкальною тишью – улика
Вылетала на Марсово поле!..
Но молчала и лунная кика!

«День спонтанный, день льда...»

День спонтанный, день льда...
Не зову... Не айда!
Он является сам,
Даже к нам.

И хотелось бы скрыть,
В телефоне забыть,
Чтобы ночью, как сон,
Унесён...

День негодных дорог
И холодных берлог,
День затмений, сирен
И арен!

Когда Жажда и Ты,
И нигде – Красоты!
Потому, что Она —
Отдана!

День спонтанный, день льда!
Не зови! Не айда —
Ты – меня
(В пору этого дня)!

На трехтысячный раз
Страх как будто угас
Перед этим деньком —
Прямиком!

Только наискосок
Всё же бьется в висок:
А на дне —
Что ты встретишь во мне?

Может, ты углядишь
Нелетучую мышь
С ядовитым бичом
За плечом?

Иль голландский корабль,
*«Напади ли, ограбь ль,
Дуй бочонками ром —
Нипочём!»*

Умолкают слова,
И молодая трава
Показалась и пьет
Талый лед...

Он ушел без следа,
Он *не имеет суда*,
Этот день, день спонтанный,
День льда!

Габдулла Тукай. Родное слово. Туган тел

(Эквиритмические переводы)

Словом первым, словом дивным,
Словом матери-отца
Дан весь мир глазам наивным
И дорога без конца.

Колыбелью изначальной
Слово рódное лилось,
Старой истиной венчальной,
Подрастая, облеклось.

Мудрым словом ежечасно
Отражаясь на пути,
Наше детство светит ясно
И последнее «прости».

Слово сердца, я тобою
Подымуся над землей!
«И меня, – скажу, – с семьёю
Ты помилуй, Боже мой!»

Сон Земли. Жир йокысы

Корою покров
Угрюмых снегов
Сжал весь белый свет
Узлом вечных снов.

И не встанет свет,
Пока от зари
Не протопят след
Птенцы-кобзари!

Яснее горя,
Весна, как заря,
Придет, а за ней —
Сиянье огней,

И говор лесов,
И звон родников,
И птицы, и гром,
И дождик потом!

Там можно нырять
У солнца в лучах,
Там можно сверкать
Росой на стеблях.

Там кружатся сны,
Поутру звеня,
О жажде весны
Средь белого дня.

Над Землею лишь
Студеная тишь.
Пробудимся ли?
Постой, не беги ж!

Птицам. Кошларга

Криком весть пошла: «Укройтесь!»
Я в небесный хоровод
Захожу теперь, желая
Слушать пенье, зреть полет!

Не кричите, пойте нежно,
Укрепляя жизни плоть!
Я не трону вас, конечно,
Упаси меня Господь!

Не таите слов заветных,
Я не красть иду, не красть;
Или я себе позволю
Окончательно пропасть?!

В круг сойдите, ярче было!
Тишь сознания помогла б...
Не дохнуть бы мне – на Силу
Да на птичьи крыла б.

Праздник теперь. Бэйрэм буген

Хвалит каждая ресница
Восходящий день теперь!
Неужели мне не снится
Весь звенящий день теперь?!

Бор колышется былою,
Настоящей песней, верь!
Братья с полной душою,
Братство верных без потерь!

Отворяйся, сердце, Солнцу,
Сделай Солнцу, сердце, дверь!
Солнце ждало то оконце,
Пусть войдет в него теперь!

Мир, объятый ароматом
Заповедных трав теперь,
Слушай, мир, как никогда ты
И красив, и прав теперь!

Я вошел в волну на бреге,
Ты со мной волну измерь!
Слышишь голос в вольном беге?
Про любовь одну – теперь!

Ветра нет, лишь упоенье,
Как шагнувший в небо зверь.
Славься каждое мгновенье!
Славься, вечное «Теперь»!

Монсиньёр делля Кафа. Против ревности. *Contro la gelosía*

(Эквиритмический перевод итальянского классического сонета, пригодный для музыкального исполнения)

В тот час, отданный Страху в пищу и право,
Страх – облачится в одеянье из стали!
Лед с пламенем сольет он наукой в сплавы,
И взмолится Любовь в скорби и печали.
Если достигну утра, и неги, и дали,
Пусть упадут с моей души отравы
В реку Забвенья! И чтоб никак не узнали
Той, что послала их мне – такую оравой!
Чтоб не помнить им ночи, измятой ими,
Или дня без надежды, ими отъятой!
Не знать, за что гасили Божье имя!
Милая! Ах, что страшней любви измятой,
Коль были все мечты о любви – благими?!
...Ты новой грязи излила мне и... ушла ты!..

Джазовому Гитаристу

Тайга. Палатка. Свеча. Сеть.
Мы – больше, чем пища для насекомых.
И между запахов незнакомых
Уж чувствуем золото, медь.

Две желтых материи, но не кинем
Уже – одну на болты.
А от другой – давай отодвинем
Баночку кислоты!

И будет теперь – у тварей снаружи —
«Отель разбитых сердец».
Одни споят лучше, другие – хуже:
Как вмéстят... Как дал Творец.

Татьяна Помысова

Два Ангела

Два Ангела, две жизни за плечом.
Два белых строгих... Выглядят устало.
Учить не успевают, что почем.
Опять спешу, всё времени мне мало.
Два Ангела, как кормчие в пути.
И без любого смысла б меньше стало.
Два Ангела: Москва и Петербург.
Надежды и любви моей начала...

Осыпаются чувства, как листья

Осыпаются чувства, как листья,
От невстреч при взаимной любви.
Застывают улыбки по-лисьи,
В одиночестве шепчет ТиВи.
А гармония лебедью белой
Уплывает к другим берегам.
Там прощается с плачущей Евой
Совершенный и гордый Адам.
Может, слишком она поскучнела,
Забывая в любви обо всём,
Так ей чёрное видится белым,
Но опять же, постельным бельём.
Ожидание стало безмерным
И траву превратило в жнивье.
Тяжелее всего самым первым,
Опыт общий – ошибки её.

Одновариантность любви

Звонит мне девушка и просит: «Помоги
Найти судьбу и выбор сделать мне!»
И сам вопрос – от сердца, не с ноги.
«Кого же выбрать, побогаче? Поумней?
Ещё хотелось капельку любви,
И чтоб постарше, чтоб хотел детей.»
А я спешу укрыться поскорей.
Любовь когда, какие варианты?

А он придёт

А он придёт возляжет на тебя...
И ты забудешь все свои вопросы,
Забудешь про цветы, про папиросы,
Что курит, разрешенья не спрося.
Забудешь, что вчера ещё другой
Мозг выносил и банки из-под шпротов.
Разгонит тараканов-идиотов,
Которые наполнены тобой.
А он придёт, и станешь ты собой.
С обласканной рукой его кудрями.
С такими скоротечными ночами
Любовь к тебе приходит в непокой.

Стихия

Нас не накрыло. Нас с тобой прихлопнуло.
Мгновенно, как лавиной, всё снесло.
И сердце озабоченное торкнулось,
Ещё не понимая, что пришло.
Но если ты уйдёшь от той лавины,
Не жалуйся, что счастье потерял.
Подобного – не будет. Не бывает,
Чтоб дважды Бог подобное давал.

Не отнимай

Не отнимай от меня своих рук.
Это такая малость.
Кроткой души оборвавшийся звук,
Глаз твоих волчьих усталость.
Счастье дождём пролилось и ушло,
Так не успевай и начаться.
Крутится шарик, скрипит его ось...
Нам бы почаще встречаться.

Дополнение

Когда ты отнимаешь руки от меня,
Я чувствую такую пустоту,
Что впору за тобой рвануть, нутром звеня,
Творить с тобой совместно радость ту,
Которую словами не сказать...
А может – и не стоит называть.

Твой сон хранить

Твой сон хранить, прижав тебя к себе.
Ловить улыбку, лёгкую усталость.
И думать, что не лишняя в судьбе.
В Твоей судьбе желанной быть мечталось.

За ним иду

Нашёлся тот, который все стихи
Из губ моих обветренных читает.
С лица стирает времени штрихи,
И все мои ошибки исправляет.
Дышу с ним вместе, словно в первый раз,
Уверенно иду я по пятам.
Мне кажется, с меня не сводит глаз,
Где будет он – я тоже буду там.

Не всё

Не всё, что происходит между нами,
Простыми облекается словами,
Когда б так просто было объяснить,
Куда ведёт та тоненькая нить.

И к этому зачем, а не к другому,
От своего мы попадаем дому.
Быть может, и не надо так стараться
Всё объяснить, а жизнью наслаждаться?

С тобой прощаться я не научилась

С тобой прощаться я не научилась.
Как будто перекрыли кислород,
Как будто связь с Землею прекратилась,
Дыхание не сделали «рот в рот».
Прощаться не придумаю, как лучше:
В метро так неудобно отпускать.
И в ссоре – тяжело с тобой прощаться.
Ну как, не помирившись, убежать?
А в радости прощаться – тоже трудно.
Как будто песню вместе не допели...
И тут ты мне сказал: я эгоистка.
И думаю всегда лишь о себе.

Разговор

Твой молебен долетит до неба,
Если он через меня прошёл.
Тёплым, подрумянившимся хлебом
Попадёт он к Господу на стол.
Голову к груди я прижимаю,
Колокольный звон в тебе звучит.
Звону колокольному внимаю,
И душа с душою говорит...

Мы сотканы из мира

Мы сотканы из мира. Мы ниточки сего.
Моя запела лира под музыку его.
Плывут по небу тучи и облака, как дым...
Я с Ангелом танцую и обнимаюсь с ним.

Закончился Рай

Закончился Рай и Ева печально уходит
Из райского сада, калитку едва притворив.
Адам не заметил потери, в нём кровь колобродит,
О яблоках бранных насвистывая мотив.
А Еве опять подвернулся наш старый знакомец,
И вовсе не змей он – обычный мудрец-старикан,
Психолог хороший, алхимиков местных питомец.
Не яблоко Еве он дал, а с напитком стакан.
Она пригубила и быстро забыла Адама.
В вине постоянства побольше, чем в Рае мужчин.
Не яблок искала теперь, а хмельного «Агдама»,
Со змеем влюблённым расстаться не видя причин.

«Человеческая глина – плотным шариком в ладонь...»

Человеческая глина – плотным шариком в ладонь:
В ожиданье исполина – гения, творца... В огонь!
Ей случайного не надо. Есть у глины идеал,
Лишь в его руках родится благороднейший фиал.

Маме на семидесятисемилетие

Мы помним, что тебе не девятнадцать
И что давно внучата подросли.
Для нас ты тёплый лучик майский,
Свет доброты, заботы и любви.
Тебя мы поздравляем и целуем.
И пусть разбросаны в пространстве мы земном,
Твой день рожденья празднуем, ликуем!
И дом, где Ты – родительский наш дом.
Здоровья и любви тебе желаем,
И радости в твоём июньском дне.
Мы нежно и так крепко обнимаем
Любимую мамулечку втройне.

Андрею Миленину

Пусть этот мир смешной, несовершенный
Так радует тебя,
Что ты забудешь возраст свой почтенный,
Сто подвигов ты совершишь любя.

Кому нужны стихи

Я жизнь свою двухслойную веду.
Так сложно отказаться от чего-то.
Семья, порой, ввергает в суету,
Творцу же иногда творить охота.
Как воздуха единственный глоток
Способен жизнь спасти кому-то,
Так брошенный, забытый уголок
Бывает мне отраден почему-то.
Рождаются картины и стихи
В уютной, чуть запыленной квартире.
Кому они нужны? Да никому.
Моей негромкой одинокой лире.

Хорошо быть поэтессой

Хорошо быть поэтессой,
Можно правду говорить,
Закрутить роман с повесой
И себе позволить жить,
Пусть неправильно и глупо,
Вопреки своим годам,
Зацелованные губы,
Книги, жизни вкус, «Агдам».
Честной быть всегда с собою
И, конечно же, с тобой.
С нами небо голубое,
Только где же мой покой?

Татьянин День

Татьяна, пьянящая и отрезвляющая...
И непонятно, что действует больше:
Трезвость рассудка иль хмельность эмоций.
Сами Татьяну свою укрощайте,
Кто как умеет, кто как желает.
Мне же свою бы в себе побороть.

Ко дню Поэзии

Летит Пегас и затмевает звёзды,
И Землю, и Венеру, красный Марс.
Он знает, как поэтом быть непросто
В России, где угодно... На Парнас!

Сонные горы

Этот вечер скатился под ночь...
Луч последний ласкает вершину,
Та мурлычет и выгнула спину...
День окончен. И всем пора прочь.
Люди дома отходят ко сну...
Так спокойно, уютно... В весну
Отправляется наш тёплый мир,
Засыпают Тянь-Шань и Памир...
В одеялах пушистых овечьих
Согреваются горные плечи.

Гимн конкурса «Ради Жизни на Земле»

Мы пришли, чтобы сделать прекрасным
Этот мир и взрастить в нём детей.
Чтобы не было небо ненастным,
Чтобы не было войн и смертей.
Мы пришли, чтобы вырастить лучших!
Дать им звёздами светить во мгле!
Из ведомых делает ведущих
Конкурс «Ради Жизни на Земле!»
Из ведомых делает ведущих
Конкурс «Ради Жизни на Земле!»

С каждым годом становится больше,
Тех, кто хочет стать лучше, умней.
Патриотов вырастают рощи
Из обычных, рядовых детей.
Первых нет у нас и отстающих,
Есть лауреаты всех мастей!
Из ведомых делает ведущих
Конкурс «Ради Жизни на Земле!»
Из ведомых делает ведущих
Конкурс «Ради Жизни на Земле!»

Самоконтроль

Когда заходится сердце
От красоты и любви —
Сразу по сердцу – берцем!
Нечего тут раскисать.

Кто тут недообниматые?

Раннее утро. В гримёрке шесть сонных мух – гримёров, нас, которых привезли к семи утра в Главкино на смену. Все медленно берутся, раскладывая на столиках свои причиндалы. В комнату влетает незнакомая девочка – гримёр, распахивает руки и спрашивает: «Кто тут недообниматые? Идём обниматься!»

Все молчат, уткнувшись носами в свои столы. А девочка стоит с распахнутыми руками и глазами...

«Я тут недообниматая, налетай обнимать!»

Обнимаемся, смеёмся и идём с ней вместе выпить чайку-кофейку перед сложным днём, оставив мух при их столах. Нам хорошо, весело и не сонно. Позже до меня дошло – это же так сложно первой признаться в своей недообниматости, распахнуть объятия и позвать: «Кто тут щедрый душой, поделитесь своим теплом, идите обнимите меня, ну пожалуйста!» Надеюсь, эта девчонка всегда будет дообниматой с таким распахнутым сердцем.

Владимир Волков

О «точке невозврата⁸» и не только...

Смысл жизни каждого человека на этой планете один-научиться семи добродетелям:

1. Доброта
2. Доброжелательность
3. Милосердие
4. Терпение
5. Любовь
6. Прощение
7. Вера

Рядом с каждым жителем находится Ангел Души, потому что этот опыт мы проходим одновременно в двадцати семи параллельных мирах. Душа, как сервер, контролирует все жизни. Наш мир – он из всех миров – как последний бастион.

Если житель не выполнил хотя бы одну добродетель, Ангел Души расплывается. Свято место не бывает пусто. Подселяются две твари из параллельных миров, которые быстро пожирают жизненно важную энергию. Вскоре наступает точка невозврата и время начинает идти со скоростью: Один день в месяц, один день в два месяца, один день в три месяца и т. д. За шесть месяцев житель проходит до семисот пятидесяти лет. Проходит значительное физиологическое старение. Ответственность жителя наступает с четырнадцати лет.

Когда наступает «точка невозврата» помочь жителю уже невозможно. Но если она не наступила, жителю планеты может помочь специалист – спаситель. Их пока подготовлено двенадцать человек «Всемирной Ассоциации Спасителей». Функции ассоциации – исполнение программы «Спаситель», восстановление энергетики человека и многое другое... Десять тысяч спасителей могут спасти сто двадцать миллионов человек.

⁸ Это критическая черта, **точка** (рубеж), после перехода которой нет возможности возвращения к исходному состоянию, нельзя вернуться назад

Тоска

Мне никто не звонил и никто про тебя не сказал.
Не летали в пространство
Мои мысли на карлики-звёзды.
Я сегодня искал и, увы, ничего не нашёл
В старом темном чулане... Напрасно...

Небыль

На моё плечо упал плазмоид⁹,
Как перо подушки перьевой,
Невесомый и прозрачный.
Небыль. Верещит:
«Я Ваш! Я здесь! Земной!»
На него взглянул, как на соринку,
И рукой стряхнул его с плеча.
Тут запел плазмоид под сурдинку
И поднялся в небеса, ворча...

⁹ **Плазмоид** – это плазменная система, структурированная собственным магнитным полем

Русская рулетка

Бизнес в семьдесят – хорошая игра.
На кону квартиры, яхты, дачи...
Пенсия надорванно кричит...
Думаешь: удача – неудача.
Денег часть уходит на кредит,
«Коммуналка» щиплет неизменно,
Жизнь переменить судьба спешит,
В массах ожидают перемены.
Сладкогласые умеют убеждать,
В мыслях горы денег и Канары.
Реинвест сулит нам миллион,
А ОБЭП несет тебя на нары.

«Этот злобный зверёк реинвест...»

Этот злобный зверёк реинвест
Закружил в диком танце повес,
Заиграл всех в копейки-рубли,
В алчной жажде халявы они.
Разыгрались не в шутку – им квартиры давай!
Получили на сутки вожделенный сарай.
Нам рубли принесет реинвест.
Сладкогласые воют: терпи!
Только дыры в карманах и есть,
Воровство получает гран-при.

Елена Ковалёва

Небылицы про Петю Иванова

(Продолжение)

За окном бушевала настоящая снежная буря. Казалось, с неба падают уже готовые сугробы и рассыпаются по земле. «Вот бы сейчас поваляться в снегу, налепить снежков. А тут в школу иди», – с тоской подумал Петя. Но выйти из подъезда он не смог: вокруг на всем обозримом пространстве плотной толпой стояли снеговики. Их были десятки, может, целая сотня новеньких сверкающих, одетых с иголки снеговиков. Петя непроизвольно открыл рот.

– А ты не удивляйся! – сказал ближайший снеговик с самым длинным носом-морковкой. – Сегодня же день снеговика. И все мы должны праздновать и веселиться. И не должны работать. Петя увидел, что несколько снеговиков держат транспаранты, на которых написано: «Долой большие лопаты!» и «Пусть всегда будет снег!».

– А что, вы разве работаете? – спросил Петя.

– Конечно, как все. Видишь, все снеговики одинаковые, только пуговицы разные: у одних – синие, у других – жёлтые, у третьих – красные. Это называется разделение труда. Синепуговичники отвечают за снег у подъездов домов, жёлтопуговичники следят за снегом на детской площадке, а краснопуговичники – за проезжей частью двора. Жаль, зима быстро кончается и наступает эта ужасная весна. Тогда мы уходим, но остаются наши пуговицы. Их хранит доверенное лицо, не могу сказать кто – это секрет. Петя не мог поверить своим ушам – так неправдоподобно всё выглядело.

– А хочешь повеселиться с нами? – неожиданно предложил длинноносый снеговик.

– Хочу! – возликовал Петя.

Тут же на него свалился небольшой сугроб, а когда снег рассыпался, Петя оказался снеговиком с синими пуговицами.

«Вот здорово! Я теперь слежу за подъездом», – догадался Петя и бросился на аккуратно сложенную дворником снежную Стену, и, провалившись по пояс, стал, как мельница, молотить руками и ногами, выкрикивая лозунги:

– Долой большие лопаты! Пусть всегда будет снег!

И тут у самого уха раздался знакомый скрипучий голос. Петя протёр заснеженные глаза – около него стояла активная старушка из домового комитета Серафима Соломоновна и ругала Петю нехорошими словами. Петя нагнулся, пошарил в снегу и, ухватив свой портфель, бросился бежать с такой скоростью, на которую только были способны его юные конечности.

Был чудесный летний день. Петя со своим другом Онуфрием Цукиным собрались пойти купаться на Зелёный пруд. Зелёным его прозвали из-за огромного количества лягушек, облюбовавших здешние заросли камыша. Лягушки были не простые – они надували щёки и пели бесконечные лягушьи песни. Это был настоящий хор, где один голос отличался от другого по тембру и силе звучания.

А вот и озеро. Вода в нём была прозрачной, и дно просматривалось совершенно свободно.

Петя быстро сбросил рубашку и шорты и тут увидел в белом песке нарядный тюбик. Этикетка не прочитывалась – инструкция была напечатана на неизвестном языке. «Наверное, крем для загара кто-то забыл, – догадался Петя. – Сейчас намажусь и буду как негр». Он выдавил в ладонь неизвестную субстанцию и жирно втёр в кожу. Плюхнулся позагорать, но уже через пять минут нудное лежанье надоело и Петя побежал в воду. Хотел нырнуть, но что-то мешало и выталкивало.

И тут он увидел себя стройным тёмно-зелёным лягухом, сидящим на плотном листе кувшинки. Лист медленно плыл в сторону лягушьего хора. «Это всё крем!» – отстраненно промелькнула догадка. Однако, Петя прекрасно себя чувствовал и даже поймал и проглотил несколько неосторожных мух. Он надул щёки и квакнул от удовольствия.

Лягушачье общество встретило нового певца особо торжественным пением. Пете показалось даже, что это был гимн. Особенно надрывался главный лягух с тёмным пятном на лбу – он так опасно надувался, издавая свои невероятные кваки, что мог нечаянно и лопнуть.

Петя хотел подпрыгнуть, но лист кувшинки под ним вдруг прорвался, и ноги коснулись дна, взбаламутив тихую заводь – это произошло обратное превращение. «Наверное, крем смыло водой – и я снова стал мальчиком», – осенило Петю.

На берегу от шума проснулся Онуфрий Цукин и сразу бросился в прохладную воду. «Ничего ему не расскажу, все равно не поверит», – подумал Петя и нырнул поглубже.

Лишняя

К тебе приду, когда не позовёшь,
Когда я буду лишней третьей.
К тебе приду, когда меня не ждёшь
И за окном осенний ветер.
К тебе приду, когда ты одинок
И боль твоя ни с кем не делима.
Себе самой давно дала зарок
Не повторять то, что неповторимо.
К тебе приду, одевшись без прикрас,
Когда устанешь ненавидеть
К тебе приду, как в первый раз —
Последний раз тебя увидеть.

Не пожелай

Не пожелай мне счастья и удачи,
Ведь это только мелочная сдача
С большой купюры под названием «жизнь».
Не пожелай мне денежных мешков,
Не пожелай супружеских оков,
Когда двоим так в стометровке тесно.
Не пожелай мне тёпленького места,
Где денежки нам капают на темя,
А мы не видим, как уходит время.
Ты пожелай свободы и скитанья,
Свободу выбора на расстоянье,
Свободного полёта восхожденье.
Ты пожелай восторга умиленья,
Когда дрожит струна на ноте на одной,
Звенит, кричит, хрипит: «Постой!»
Не покидай, весенний цветень мая,
Декабрь мой, холодный и пустой!

Где цель

Где цель, которой ради я живу?
Отчёта точка, где в неведомом краю
На острове далёком, непонятном,
Который мне и вспомнить неприятно.
Иль, может, под землёй в пещере гулкой,
Где сталактиты вышли на прогулку,
Иль среди забытых фолиантов
Есть множество подобных вариантов.
А может всё не так – и в синем небе
То, в чём нуждаемся, как в хлебе.
Или в лесу дремучем тот предмет,
Которому названья нет?
Всю жизнь мы ищем – не находим.
Вот, кажется, уж близко вроде —
Мелькнул тот лучик и погас,
И снова тьма среди нас.
Кто утолит наш голод узнаванья?
Кто сделает конечное признание?
Но просто всё, как умножения таблица —
Мы умираем все, чтобы родиться.
И этот круг бессмысленный не разорвать,
Мы рождены, чтоб умирать.
Вот в эту землю мягкую улечься поудобней —
Как умно всё, как бесподобно...

Я говорю с тобою

Я говорю с тобою, как с пилою,
Распиливающей душу на дрова,
Воздушных замков я с тобой не строю —
В амбаре жить отныне навсегда!
Мне б полететь свободно, бесконтрольно,
Немыслимым простором восхитясь,
Чтоб не было ни горько и ни больно,
На землю в праздник возвратясь.

Кирилл Рожков

Мой первый котёнок

Я училась тогда еще в шестом классе. А с Харламом я познакомилась совсем неожиданно – когда мы с Верой ходили в океанариум возле Чистых прудов. Вернее, раньше я видела его во дворе. И как-то невольно запомнила – парня высокого роста, худого и немного сутулого, ступающего большими твердыми шагами. Вытянутое лицо у него было бледным, а немного растрепанные волосы – рыжими. И когда мы спустились в полуподвальчик океанариума и уже с восхищением осмотрели немало больших стеклянных бассейнов, в которых неторопливо и деловито плавали фосфоресцирующие рыбы, я увидела Харлама. Тогда я еще не знала, что его так зовут, но приметная рыжина и вообще вся поджарая немного сторбленная фигура бросилась в глаза. Видно было – он тоже с интересом прогуливался от аквариума к аквариуму, рассматривая их обитателей.

Тут как раз Вере на сотовый позвонил ее научный руководитель, она отрулила подалеке в уголок зала, чтобы никому из посетителей не мешать, и ворковала там на тему своей диссертации. А рыжеволосый тощий верзила как раз поравнялся со мной. Мы стояли и смотрели на один большой зеленый аквариум, но уже успели взглянуть и друг на друга. Затем прервали молчание и разговорились. Уже даже не помню сейчас, кто первым начал беседу. Выяснилось, что его имя – Харлам, живет он через квартал от нас и сейчас уже заканчивает школу. Что же, эта информация меня совсем не удивила – я и сама догадывалась о его примерном месте жительства и возрасте.

Харлам рассказал, что тоже решил в субботу отправиться сюда, потому что видел в газете сообщение с красивыми фотографиями – о том, что вот в Москве открылся океанариум и – милости просим. Потом мы поболтали о рыбах, о тайнах водной стихии. Я поведала, как прошлым летом мы с Верунчиком и «предками» отдыхали в Коктебеле и как папа в шутку учил меня не бояться акул. А я всё думала – водятся ли на самом деле акулы в Черном море? Может, где-то далеко-далеко?

Тут Харлам сообщил, что в Черном море есть один вид акул, но этот вид практически совсем безопасен для человека. И акулка сия такая маленькая – ну вся из себя как будто килька-гигант! Мы это в школе проходили, – важно объяснил он, и глаза его прямо так и горели. Мне невольно стал еще интереснее человек не намного уж старше меня, но, оказывается, уже изучавший столь любопытные подробности жизни морей нашей планеты.

Тут к нам вернулась Верка, уже переговорившая со своим научным.

– Верунчик, это Харлам! – представила я ей нового приятеля.

Верка улыбнулась. Похоже, Харламчик ей тоже понравился.

До метро шли втроем. Потом, дома, я спросила у сестры, стоит ли мне и дальше дружить с новым старшим товарищем? Вера не возражала, хотя подобного рода знакомств у меня в моей совсем молодой жизни, похоже, еще не было. А теперь я, сопливая шестиклашка, закорешила, поди ты, с видным высоким парнем, уже заканчивающим школу и который, похоже, много знал!

Мы обменялись с Харламом мобильниками и вскоре, на неделе, уже гуляли вместе в нашем большом зеленом дворе. Смотрели на молодых мам с колясками, вдыхали свежий запах майских цветов. А потом сидели под уютным грибком, и экстравагантный в своей яркой рыжине мой новый приятель пересказал мне содержание целого фильма, который я еще не смотрела. Он рассказывал, а я замороженно слушала. Кино было о том, как мальчик-школьник, желающий поскорее стать взрослым, и его папа, усталый от взрослой суетной жизни

и озвучивающий вслух несбыточную мечту вернуться снова в «беззаботное» детство, взяли да и поменялись местами. Ну, там имелся волшебно-фантастический момент. И что в результате из такого обмена телами вышло...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.